М. М. Юльякшин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНТИСЦИЕНТИЗМА

Работа представлена кафедрой философии Уфимской государственной академии экономики и сервиса. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. Н. Финогентов

В предлагаемой статье проводится анализ разнообразных факторов, порождающих в современном мире антинаучные настроения, в частности большие экономические издержки развития фундаментальной науки. Логическим выводом всего является утверждение: необходимы значительные усилия самого научного сообщества по разъяснению ценности научной рациональности, необходима демонстрация социокультурного и гуманистического потенциала науки.

Ключевые слова: *антисциентизм, антинаучный, фундаментальная наука, научное сообщество.*

M. Yul'yakshin

ECONOMIC GROUNDS OF MODERN ANTISCIENTISM

The article includes the analysis of various factors that rise anti-scientific moods in the modern world, in particular large economic costs of fundamental science development. The logic conclusion of it is the following statement: significant efforts of the scientific community on explanation of the value of scientific rationality and demonstration of the sociocultural and humanistic potential of science are necessary.

Key words: *antiscientism, anti-scientific, fundamental science, scientific community.*

XX в. стал веком победившей научной революции. Научно-технический прогресс ускорился во всех развитых странах, определяя уровень развития общества и экономики. Вызванный им рост благосостояния и решение многих насущных проблем общества породили веру широких масс в способность науки решать проблемы человечества и повышать качество жизни. Эта новая вера нашла свое отражение во многих областях культуры и общественной мысли.

Экономика двух сверхдержав – СССР и США была долгое время ориентирована на военное, экономическое и научное соперничество. Ускорение научного прогресса и развитие фундаментальной науки было для них прежде всего вопросом достижения военного преимущества, более быстрого экономического роста и международного престижа. Такие достижения, как освоение космоса, создание атомной энергетики, первые успехи в области робототехники у многих породили веру в неизбежность научно-технического и общественного прогресса, вызвали надежду на скорое решение таких «вечных» проблем, как голод, болезни и т. д.

Однако в конце XX в. в мире наступило определенное разочарование в возможностях науки. Ожидания того, что наука позволит решить все стоящие перед человечеством задачи, не оправдались. Научно-фантастические романы, которые у целого поколения в не меньшей степени, чем учебники физики, формировали взгляд на Мир, обещали полеты в глубины галактики, превращение антропоподобных роботов в предмет домашней утвари и т. д. уже в 80–90-е гг. XX столетия, в худшем случае – в начале следующего века. Обыватель не прощает таких разочарований и в поисках чуда обращает свой взор к казалось бы давно побежденным наукой магии и астрологии, обещающим свои чудеса немедленно и не требующим долгих ожиданий. В результате наука лишается весьма важной для обывателя «чудотворческой» функции и начинает утрачивать еще более важную функцию – мировоз-

зренческую, которую она давно и, казалось, навсегда перехватила у религии, определяя представления массового сознания о том, как устроен окружающий мир. Современному обществу свойственна не столько потребительская, сколько «здесь и теперь – психология», характеризующаяся преобладание прагматических ориентаций, быстро осуществимых намерений и соответствующих ценностей. Современный человек не любит ждать и видеть свои деньги истраченными на то, что начнет давать осязаемый результат в необозримом будущем. Такие соблазны, как полеты на Марс, контакты с другими Цивилизациями и т. д., будоражившие воображение предшествующего поколения, его мало возбуждают, и он скептически относится к различным «прыжкам в XXI век» и «открытиям, опередившим свое время» [6, с. 23].

Кризис науки порождается и новым отношением к ней, которое с особой рельефностью проявляется в современном экологическом сознании. Несмотря на внешнюю непрагматичность экологического сознания, его отношение к науке вполне прагматично и вписывается в традиционную экономическую формулу, соотносящую затраты и результаты. На одну чашу весов кладутся достижения науки и то хорошее, что она дает, на другую – «издержки»: средства, которые тратятся на науку, и устрашающие экологические последствия научно-технического прогресса. Крайним выражением нового негативного отношения к науке можно считать попытки ограничить или остановить научные исследования в некоторых областях. Так, страхи перед клонированием человека привели к принятию во многих странах законодательства, запрещающего клонирование, и серьезно осложнили исследования, связанные со стволовыми клетками, – одно из наиболее перспективных направлений современной медицины. Из-за опасений потребителей (а также протекционистской политики ЕС в области сельского хозяйства) в Европе практически не продаются генетически модифицированные продукты, весьма популярные в США.

Подобный способ «взвешивания» науки передается массовому сознанию, весьма расположенному традициями западного общества к оценке любой социальной структуры на основе соотнесения затрат и результатов. В этом, на наш взгляд, и заключаются причины широкого распространения экономического антисциентизма в современном обществе. Фундаментальная наука, считают сторонники таких взглядов, становится слишком обременительной и все более далекой от действительности. А раз так, то лучше уж сосредоточиться на прикладных разделах науки, на практическом использовании уже открытых законов природы и не растрачивать ресурсы на развитие «науки ради науки». Более того, необходимость финансирования науки сами ученые должны постоянно доказывать, а не считать, «что Фарадей и Максвелл своими открытиями оплатили фундаментальную науку на все времена» [2]. Причем доказывать конкретными, интересующими общественность научными результатами. Сами американские ученые недавно здорово обожглись, предав забвению положение о том, что популяризация – это способ объяснить обществу, зачем ему нужна наука. Пренебрежение к “public relation” привело к закрытию их проекта «сверхпроводящего суперколлайдера». Однако он был построен в Европе, и его строительство длилось более 10 лет и обошлось 20 странам в 4 миллиарда долларов [5]. Если бы 99,9% налогоплательщиков узнали, на что потрачена столь астрономическая сумма, думаю, многие в недоумении развели бы руками, а кто-то даже и возмутился бы. Здесь многое зависит и от степени образованности и информированности общества в целом. Но конкретного «человека с улицы» можно убедить в нужности науки только на основе примеров того, с чем он сам сталкивается в жизни: бытовая техника, автомобили, медицина, продукты питания. Учитывая распространение негативного отношения граждан к науке, при английском департаменте науки и технологий даже создали специальную программу. Был создан «Комитет за понимание науки обществом». Его цель – разъяснять людям, что именно наука позволяет Англии конкурировать на мировом рынке технологий и быть богатой страной [4].

Представители экономического антисциентизма вживляют в массовое сознание образ науки как дорогостоящей и небезопасной социальной структуры, сулящей весьма призрачные и отдаленные во времени дивиденды, и на Западе, где именно носитель такого массового сознания, являющийся типичным избирателем и налогоплательщиком, определяет основную траекторию развития науки, «расцвет» экономического антисциентизма неизбежно оборачивается снижением социального престижа и сокращением финансирования науки. Практически повсеместно происходит подчинение познания требованиям эффективности и быстрой востребованности на рынке [1, с. 74].

Уже в силу последнего обстоятельства функциональный кризис мировой науки проецируется и на российскую науку, открывая перед ней весьма тревожные перспективы. Но этим ее проблемы далеко не исчерпываются, она переживает двоякий функциональный кризис – и в качестве составляющей мировой науки, и в качестве определенной субструктуры российского общества. Разумеется, к обществу, проникнутому «научным романтизмом», можно апеллировать с утверждениями о самоценности науки, поэтому большие затраты на науку в советское время не вызывали недовольства, однако в постсоветскую эпоху все изменилось. Современное российское общество не менее прагматически ориентировано, чем общество западных стран. «Успехи фундаментальной науки не обеспечивают необходимые нам динамику и качество прикладных исследований. А они, в свою очередь, не в полной мере учитывают реальные потребности экономики», – заметил совсем недавно глава правительства В. В. Путин, несмотря на то, что «никогда столько на науку не тратили» [3].

Итак, в мире идут бурные дискуссии о будущем современной науки, она подвергается яростным нападкам со стороны оппонентов. Раньше против науки возражали «экологи», которые считали, что разрушается природная среда и сам человек, что создаются все новые виды вооружений. Это были возражения против практического применения науки, и, несмотря на их накал, наука считалась все-таки необходимой, стабильно финансировалась, росла и развивалась. Сейчас «в борьбе с наукой» на первый план вышли экономические аргументы. Эти новые возражения против развития науки относятся в первую очередь к науке фундаментальной, и они гораздо понятнее широким слоям общества, чем требования экологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Водопьянова Е. В.* Наука Западной Европы: реалии и перспективы // Свободная мысль-XXI. 2004. № 3.
2. Интервью с Людвигом Фаддеевым. URL: ПОЛИТ.RU 9. 09. 2008.
3. Комсомольская правда. 21.08.2008.
4. Наука и общество: время диалога // Зеркало недели. № 6 (534). 19–25 февраля 2005.
5. Российская газета. 27 февраля 2008 года.
6. *Юревич А. В., Цапенко И. П.* Функциональный кризис науки // Вопросы философии.1998. № 1.